

DOI: 10.31857/S086919080026788-3

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП
В СИРИИ (НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ)

© 2023

А.Г. ПЕТРОСЯН ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0007-4407-8554; aidapetrosyan05@gmail.com

Резюме: В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы идентификации этноконфессиональных групп в Сирийской Арабской Республике. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с употреблением понятий, используемых для обозначения этноконфессиональных групп в Сирии. В качестве примера в статье рассматриваются сирийские армяне, которые, признавая себя сирийцами, придают важное значение сохранению и поддержанию армянской идентичности.

В первой части статьи освещается проблема использования понятия «меньшинство» в научно-академической литературе и некоторых международно-правовых источниках, поскольку очень часто этноконфессиональные группы исследуются именно через призму этого понятия. В большинстве случаев оно передает не количественную характеристику группы, а оценочную характеристику ее положения и роли в различных сферах жизни государства. В результате часто, даже в случаях нейтрального использования понятия «меньшинство» для обозначения этноконфессиональных групп, подразумевающего их относительную численность, оно может вызывать негативные коннотации.

Во второй части анализируется подход официальных сирийских властей и объясняется, чем обусловлен выбор используемой ими терминологии для обозначения этноконфессиональных групп и каким образом он отражает их политику относительно этого вопроса.

Третья часть посвящена рассмотрению в качестве примера армянской общины. Приводятся некоторые варианты используемой сирийскими армянами терминологии и сопоставляется их подход к ее выбору с подходом руководства страны.

Отмечается, что, несмотря на продвигаемую официальными властями идею о существовании единой сирийской идентичности, объединяющей всех сирийцев независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности, сами этноконфессиональные группы продолжают идентифицировать себя (а также представителей других групп) согласно этноконфессиональной принадлежности.

Ключевые слова: этноконфессиональная группа, меньшинство, идентичность, Сирия, армянская община Сирии.

Для цитирования: Петросян А.Г. Проблемы идентификации этноконфессиональных групп в Сирии (на примере армянской общины). *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 211–221. DOI: 10.31857/S086919080026788-3

IDENTIFICATION OF ETHNO-CONFESSIONAL GROUPS IN SYRIA (A CASE STUDY OF THE ARMENIAN COMMUNITY IN SYRIA)

© 2023

Aida G. PETROSYAN^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0007-4407-8554; aidapetrosyan05@gmail.com

Abstract: *The article looks into issues regarding the identification of ethno-confessional groups in the Syrian Arab Republic with a focus on the concepts (or terms) applied to them. Syrian Armenians are chosen as a case study, since they recognize themselves as Syrians and at the same time attach much importance to maintaining their Armenian identity.*

The first section of the article deals with the concept of minority and the usage of the term in the academic literature and legal sources, since ethno-confessional groups are often studied through the prism of this concept. Usually, it implies not just the size of the group but its non-dominating political and legal status. This often brings about some negative connotations even in the cases of “neutral” usage of the concept.

The second part studies the approach of the Syrian government and explains what factors define its terminology applied to ethno-confessional groups, how the concepts and terms used by the Syrian authorities reflect their policies towards ethno-confessional issues in Syria.

The third section is a case study of the Armenian community in Syria. It offers an account of concepts used by its members which are compared to those used within the governmental approaches.

It is concluded that on the one hand, the Syrian government is pursuing the idea of a common Syrian identity, which unites all the Syrians no matter their ethnic and confessional identity. On the other, despite that, on the local level ethno-confessional groups still identify themselves and other groups based on their ethno-confessional identity.

Keywords: ethno-confessional group, minority, identity, Syria, Armenian community of Syria.

For citation: Petrosyan A.G. Identification of Ethno-Confessional Groups in Syria (a Case Study of the Armenian Community in Syria). *Vostok. (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 211–221. DOI: 10.31857/S086919080026788-3

События последних двух десятилетий на Ближнем Востоке, для которого характерно наличие большого числа этнических и религиозных (конфессиональных) общностей, актуализировали этноконфессиональную проблематику. Интерес к ней резко возрос как в академической и экспертной среде, так и в международно-политической. С одной стороны, этноконфессиональное многообразие в государствах региона стало рассматриваться как один из факторов конфликта, а с другой – внимание было обращено к проблеме положения этноконфессиональных групп (меньшинств) в условиях конфликтов и кризисов.

В исследованиях и аналитических работах рассмотрение этноконфессиональных групп в ближневосточных странах часто проводится через призму дихотомии «меньшинство – не меньшинство». Это неизбежно сводит всю сложность этноконфессиональной ситуации к крайне узкому, часто оценочному видению и не отражает реальной картины или резко контрастирует с тем, как эта проблема рассматривается изнутри в конкретных странах региона.

* * *

Учитывая специфику многосоставного сирийского общества, для которого наличие большого числа этноконфессиональных компонентов является чем-то естественным на протяжении многих веков, интересно посмотреть, как этноконфессиональная проблематика видится изнутри: официальными властями, с одной стороны, и отдельными этническими и (или) религиозными группами – с другой.

Для этого важно определить, какие понятия используются ими для обозначения этноконфессиональных групп, какой смысл вкладывается в эти понятия, как это отражает реальное отношение к этноконфессиональному вопросу в стране. С этой проблемой тесно связан и круг вопросов, касающихся проблем идентичности.

Особенности социально-политического развития Сирии, ее политической культуры, этноконфессионального состава повлияли на формирование и закрепление в структуре сирийского общества некой системы идентичностей, очень часто переплетающихся, накладывающихся и неотделимых друг от друга.

Наряду с объединяющей (хотя бы формально, рамочно) всех жителей Сирии идентичностью «сирийца» (жителя Сирийской Арабской Республики (САР)) существует еще множество идентичностей локального или же, наоборот, транснационального уровней. При этом принадлежность к определенной группе (или группам), объединенной общей идентичностью, и, что более важно, ощущение такой принадлежности является чем-то естественным и непременно необходимым в условиях сирийской реальности.

В качестве объекта исследования в настоящей статье рассматриваются сирийские армяне. Подобный выбор обусловлен тем, что, являясь гражданами Сирии и придавая сирийской идентичности большое значение, сирийские армяне одновременно продолжают прилагать серьезные усилия для сохранения армянской идентичности, которая, в свою очередь, имеет несколько уровней. При этом важно, что эти идентичности в основном не вступают в серьезные противоречия друг с другом, составляя как бы отдельные компоненты некой единой множественной идентичности.

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Проблему употребления понятия «этноконфессиональное меньшинство» в академической литературе и международно-правовых источниках можно разделить на две составляющие. Первая связана с использованием определений «этноконфессиональный», «этнический», «религиозный», «конфессиональный» применительно к различным группам ближневосточных обществ. Вторая – это непосредственно проблема применимости понятия «меньшинство» для обозначения этноконфессиональных групп и общностей в целом и на Ближнем Востоке (в Сирии), в частности.

В текстах международно-правовых документов, научно-академической литературе, аналитических работах, посвященных исследованию этноконфессиональных меньшинств (или этноконфессиональных групп), а также в исследованиях, так или иначе рассматривающих или упоминающих эту категорию, встречаются самые различные понятия, используемые для ее обозначения.

Например, в Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 1992 г. все эти меньшинства просто перечисляются без какого-либо разграничения и пояснения [Декларация о правах лиц, 1992]. В статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого еще в 1966 г., также без разграничения перечисляются этнические, религиозные и языко-

вые меньшинства [Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966]. В Европейской конвенции по правам человека встречается только упоминание понятия «национальные меньшинства» [Европейская конвенция по правам человека, 1950].

Что касается научно-академической среды, то, например, в отечественной литературе применительно к этноконфессиональным общностям, составляющим меньшинство в численном отношении на Ближнем Востоке, в отдельных ближневосточных государствах или их частях, используются в зависимости от конкретных примеров и контекста в основном следующие понятия: «религиозные меньшинства», «этнические меньшинства», «национальные меньшинства», «этноконфессиональные меньшинства».

В англоязычной литературе, посвященной изучению этноконфессиональных меньшинств в целом и в ближневосточном регионе в частности, также встречаются самые различные понятия: «этнорелигиозные» и «религиозно-этнические группы» (“ethnic-religious”, “religious-ethnic groups”), «этнические/лингвистические меньшинства» (“ethnic/linguistic minorities”), «национальные меньшинства» (“national minorities”).

Понятие «религиозные меньшинства» (“religious minorities”) некоторыми исследователями рассматривается как часть или «подкатегория» понятия «этнические меньшинства» (“ethnic minorities”). Это объясняется ими тем, что характеристики, которые используются для определения и самоопределения этнических групп, варьируются и могут быть не только врожденными, но и приобретенными (характеристики, от которых можно отказаться или которые можно изменить); в их категорию вместе, например, с языком, обычаями включается и религия¹.

Похожую трактовку дает и отечественный этнолог В.А. Тишков, который также рассматривает религиозный компонент в качестве одной из характеристик «этнического меньшинства». Так, он определяет «этническое меньшинство» как «группу граждан, численно уступающую остальному населению государства и не занимающую господствующего положения, члены которой имеют этнические, религиозные или языковые отличия от остального населения и демонстрируют солидарное желание сохранить свое культурное своеобразие и групповую целостность». При этом он подчеркивает, что в ряде социально-политических ситуаций выделяются расовые, религиозные или языковые меньшинства [Тишков].

Что касается употребляемого особо часто понятия «национальное меньшинство» (особенно в русскоязычных работах), то в отличие, например, от понятия «этническое меньшинство», его содержание является менее ясным. Подходы и трактовки исследователей относительно его использования в значительной степени различаются.

В.А. Тишков, отмечает, что понятие «национальное меньшинство» более распространено в странах Восточной Европы и бывшего СССР, где под ним понимается «группа, относящая себя к этнической (культурной) нации, но проживающая за пределами основного территориального самоопределения последней». Но при этом он полагает, что понятия «этническое меньшинство» и «национальное меньшинство» в целом схожи. [Тишков]

Канадский исследователь В. Кимлика, в свою очередь, считает, что понятие «национальное меньшинство» было «изобретено» в Европе для обозначения европейских групп населения, потерявших в результате процессов образования европейских государств свою родину и инкорпорированных в новосозданные государства [Kymlicka, 2008, p. 8]. Что касается ближневосточных этноконфессиональных групп, то среди них он в качестве примера национального меньшинства называет курдов [Kymlicka, 2011, p. 183].

Применительно к исследованию этноконфессионального многообразия на Ближнем Востоке интересно обратить внимание на используемое отечественным ученым Р.Г. Ландой

¹ Также приписываемые характеристики могут включать национальную и территориальную принадлежность. Подробнее см.: [Longva, 2012].

понятие «этноконфессия», которое, однако, не получило широкого распространения. Согласно ему, этноконфессии возникают в случаях, когда «религия становится этнообразующим фактором». В качестве примеров ближневосточных этноконфессий он приводит маронитов, друзов, армяно-григориан, ассирийцев, сабиев, евреев-иудеев. При этом он отмечает, что «границы этноконфессий могут быть чисто религиозными, как у маронитов или друзов, но бывают и национально-религиозными, как у ассирийцев, халдеев или сабиев, которых от арабов отличает не только религия, но и язык, самостоятельная письменность, свои национальные традиции» [Ланда, 2008, с. 171–175].

Действительно, некоторые общности нельзя отнести исключительно к этническим или конфессиональным (религиозным). Так, например, армян и ассирийцев, проживающих в ближневосточных странах, можно определить как по этническому, так и конфессиональному признаку.

В таких случаях справедливо было бы говорить об определении группы как этноконфессиональной, взяв во внимание как этнический, так и конфессиональный компоненты.

Большое значение с точки зрения понимания категории «этноконфессиональных меньшинств» имеет также вопрос об употреблении понятия «меньшинство (этническое, религиозное, конфессиональное)» в нормативных документах, в научно-академической литературе и аналитических работах.

Единогласно международно-правового определения меньшинств (этнических, национальных, религиозных, конфессиональных) не существует. В Декларации ООН о правах меньшинств какие-либо определения отсутствуют. При этом в статье 1 говорится, что «государства охраняют на их соответствующих территориях существование и самобытность² национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых меньшинств и поощряют создание условий для развития этой самобытности» [*Декларация о правах лиц*, 1992]. Исходя из положений декларации можно лишь сделать вывод о том, что «национальные или этнические, культурные, религиозные и языковые меньшинства» обладают некой самобытностью / идентичностью.

Согласно авторам одного издания, подготовленного Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, согласование широко приемлемого определения «меньшинств» осложняется многообразием ситуаций, в которых они живут (компактное проживание в отдельных районах страны, рассредоточенность по всей стране), а также различиями в степени осознания меньшинствами коллективной идентичности, общего происхождения [*Права меньшинств*, 2010, с. 2].

Конечно, отсутствие согласованных трактовок понятия «меньшинство» (национальное, этническое, религиозное, культурное) не означает отсутствия каких-либо его определений вовсе. В целом на основе анализа научно-академической литературы, аналитических работ можно выделить два подхода. Согласно первому, это понятие рассматривается с точки зрения наличия отношений доминирования между отдельными этноконфессиональными общностями. Второй подход заключается в понимании «этноконфессионального меньшинства» как группы населения, уступающей «большинству» лишь в численном отношении.

Например, специальный докладчик Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств³ Ф. Капоторти в 1979 г. определил «меньшинства» (имея в виду исключительно контекст статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах) как группу меньшей численности по сравнению с остальной частью населения государства, находящуюся в недоминирующем положении, члены которой,

² В версии документа на английском языке – “identity” (идентичность) [*Declaration on the Rights of Persons*, 1992].

³ С 1999 г. – Подкомиссия ООН по поощрению и защите прав человека.

являясь гражданами государства, обладают этническими, религиозными или языковыми характеристиками, отличными от соответствующих характеристик остальной части населения, и проявляют, хотя бы только имплицитно, чувство солидарности, направленное на сохранение их культуры, традиции, религии или языка [Capotorti, 1979, p. 96].

В упоминавшемся выше издании УВКПЧ меньшинства также рассматриваются прежде всего с точки зрения их положения в государстве и обществе, а не в категориях численного соотношения [*Права меньшинств*, 2010]. Специалисты УВКПЧ обращают внимание и на то, что чаще всего группа, которая считается меньшинством, по численности действительно будет составлять меньшинство; но в отдельных случаях численное большинство, таким же образом, как и численное меньшинство, может находиться в недоминирующем положении [*Права меньшинств*, 2010, с. 3].

В научно-академической и экспертной среде понятие «этноконфессиональное (этническое/религиозное/конфессиональное) меньшинство» весьма редко используется исключительно в количественном смысле; преимущественно оно применяется для обозначения недоминирующего положения группы в социально-политической жизни страны (см., например: [Kymlicka, 2011; Picard, 2012])⁴. Отсюда – частое апеллирование к необходимости защиты или принятия специальных мер для гарантии прав этноконфессиональных меньшинств.

В ближневосточном контексте такое понимание проблемы создает большие сложности. Так, весьма частым явлением становится ее политизация и (или) секьюритизация.

Норвежский исследователь А.Н. Лонгва указывает на то, что рассмотрение меньшинств (она рассматривает религиозные меньшинства) на Ближнем Востоке исключительно как «жертв» создает ошибочное впечатление о том, что в реальности мы имеем дело с их систематическим изолированием от обществ, частью которых они являются [Longva, 2012, p. 4]. Сопоставляя особенности использования понятий «меньшинство» (араб. «акаллиййа») и «религиозная община» (араб. «та'ифа»⁵) применительно к немусульманскому населению в ближневосточных странах, она приходит к интересному заключению.

Более нейтральное, исключительно количественное понятие «акаллиййа», по ее мнению, теоретически лучше подходит для обозначения религиозных групп, поскольку, в отличие от понятия «та'ифа», не подразумевает некой дифференциации. На практике же оно почти всегда вызывает негативные коннотации (поскольку ассоциируется со слабостью, подчиненностью и более низким положением) [Longva, 2012, p. 4–5].

В целом, конечно, следует действительно признать ставшее практически неизбежным восприятие понятия «меньшинство» с точки зрения «уязвимого» или «подчиненного» положения группы, требующей каких-то особых мер для защиты. Даже несмотря на то, что в это понятие часто вкладывается исключительно количественный смысл, все же оно может восприниматься весьма неоднозначно, а в некоторых случаях – и крайне негативно.

ПОЗИЦИЯ СИРИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Отношение к этноконфессиональной проблематике в САР менялось в зависимости от идеологии и подходов находившихся у власти сил. Прежде чем рассматривать особенности современного состояния этого вопроса, стоит обратить внимание на этноконфессиональный состав сирийского общества.

⁴ В отечественной академической литературе в понятие «этноконфессиональное (этническое / религиозное / конфессиональное) меньшинство», как правило, вкладывается количественный смысл.

⁵ Также класс, группа людей, исповедующих одну религию.

Оно в силу особенностей своего исторического развития всегда отличалось культурным, этническим и конфессиональным многообразием. Для иллюстрации этого многообразия достаточно перечислить основные этнические и конфессиональные группы, проживающие сегодня на территории Сирии.

Их можно обозначить исходя из двух критериев – этнического и конфессионального. С точки зрения этнической принадлежности выделяются арабы, курды, армяне, ассирийцы, черкесы, туркоманы; с точки зрения конфессиональной – сунниты, шииты (исмаилиты, шииты-двунадесятники), алавиты⁶, друзы, христиане различных конфессий (греко-православные, греко-католики, армяно-григориане, армяно-католики, сиро-яковиты, сиро-католики, ассирийцы-несториане⁷, халдеи, марониты, протестанты). При этом в некоторых случаях этническая и конфессиональная идентичности оказываются плотно спаяны между собой (очевидным примером чего являются рассматриваемые в статье сирийские армяне).

Не останавливаясь подробно на рассмотрении особенностей государственной политики относительно различных этноконфессиональных групп и подходов к этноконфессиональной проблематике на разных этапах истории Сирийского государства, обратим внимание на современное положение дел и посмотрим, какую терминологию используют официальные сирийские власти и чем обусловлено ее употребление. Для этого необходимо обратиться прежде всего к основному закону САР.

В преамбуле Конституции САР [*Дустур аль-Джумхуриййа аль-‘арабиййа ас-Суриййа*, 2012] присутствуют слова «сирийское общество со всеми его компонентами и составляющими», «культурное разнообразие» (на арабском языке используются понятия «мукаввинат»⁸ и «атйаф»⁹, «ат-тана‘ ас-сакафи»¹⁰). Они же используются и в статье 9 конституции САР, согласно которой «конституция гарантирует защиту культурного разнообразия («ат-тана‘ ас-сакафи») сирийского общества со всеми его компонентами («мукаввинат»).

Очень важной с точки зрения понимания официальной государственной политики относительно этноконфессиональной проблематики в стране является статья 3 сирийской конституции, в которой говорится о том, что «личный статус религиозных общин / сообществ («ат-тава’иф ад-диниййа»)¹¹ должен защищаться и уважаться».

На официальном уровне ключевым для обозначения культурного многообразия в Сирии является понятие «та’ифа», для которого центральным является религиозная принадлежность. То есть, согласно сирийской конституции, в стране есть признаваемые государством и обладающие определенными гражданско-религиозными правами религиозные общины. В качестве примеров можно назвать: ат-та’ифа аль-арманиййа аль-‘урсудуксиййа (армянская апостольская религиозная община), ат-та’ифа аль-йунаниййа аль-‘урсудуксиййа (греко-православная религиозная община)¹².

При этом, признавая культурное многообразие в стране, сирийские власти абсолютно не приемлют возможности использования понятия «акаллиййа» («меньшинство»), говоря о том, что в Сирии нет меньшинств. Это, безусловно, можно объяснить особенностями,

⁶ Хотя в отечественной науке признается отнесение алавитов к одной из ветвей шиизма, все же в социально-политическом плане алавитов в Сирии можно выделить в качестве отдельной группы.

⁷ Последователи Ассирийской Церкви Востока.

⁸ Мн. ч. от «компонент», «составная часть», «элемент».

⁹ Мн. ч. от «спектр».

¹⁰ Культурное разнообразие.

¹¹ «Тава’иф» – мн. ч. от «та’ифа» (религиозная община, группа людей, исповедующих одну религию), «дини» (религиозный).

¹² Однако на официальном уровне сирийские власти не подчеркивают этническую принадлежность различных групп населения САР.

связанными с политизацией данного понятия, которые уже обсуждались в статье. В ходе общения автора статьи с официальными лицами в САР, они многократно подчеркивали, что применительно к сирийской реальности использовать это понятие нельзя [*Интервью автора с представителями органов государственной власти в САР*, 2022].

Подобный подход вполне логично вписывается в официальную риторику сирийских властей, которой они придерживаются в последнее время и которая является результатом некоторой трансформации идеологии арабского национализма партии Баас.

Об этой трансформации говорит академик РАН В.В. Наумкин. Согласно ему, партия Баас фактически отказалась «от панарабистской версии “арабизма”, но при его сохранении в идеологии и политической практике в мягкой, гибридной форме». При этом, как отмечает В.В. Наумкин, «проявившаяся в ходе преодоления еще продолжающегося кризиса устойчивость режима объясняется его активным использованием идеологии сирийского патриотизма». [Наумкин, 2021, с. 56]

Высокопоставленные представители партии Баас, рассуждая о проблеме арабского национализма в САР, обращают внимание на то, что сегодня в Сирии изменились понимание и восприятие «арабской нации»: если раньше ключевым был этнический компонент, то сейчас – культурно-цивилизационный. При этом они призывают использовать понятие «аль-‘уруба»¹³, которое включает в себя все этнические и религиозные группы, проживающие в Сирии, и которое, сохраняя приверженность арабизму, не отрицает и не игнорирует их культурную идентичность [*Интервью автора с представителями органов государственной власти в САР*, 2022].

Согласно российскому востоковеду К.М. Труевцеву, выдвигаемая уходящими от арабского национализма сирийскими властями новая идеология сирийской идентичности (в первую очередь – сириец, на первом месте – сирийская идентичность), базирующейся на культурном факторе, на самом деле имеет потенциал повышения политико-культурной роли разных этноконфессиональных групп [*Беседа автора с К.М. Труевцевым*, июнь 2022] – тенденция, которую можно наблюдать уже сегодня.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СИРИЙСКИХ АРМЯН

Рассмотрев терминологию, которая используется официальными сирийскими властями на основании их видения этноконфессиональной проблематики в стране, было бы интересно соотнести ее с тем, как она видится со стороны отдельных этноконфессиональных групп (на примере сирийских армян).

Как уже было отмечено в начале статьи, сирийские армяне представляют собой весьма интересный для рассмотрения пример этноконфессиональной группы, которая, обладая как армянской, так и сирийской идентичностями, как представляется, весьма успешно сохраняет баланс между ними. Причем интересно, что сами сирийские армяне особо подчеркивают то обстоятельство, что эти идентичности ни в коем случае не противоречат, а именно дополняют друг друга¹⁴.

Сирийские армяне, с одной стороны, естественным образом принимают используемую официальными властями и отраженную в конституции САР терминологию, подчеркивая при этом, что она никак не ограничивает и не ущемляет их прав [*Интервью автора с представителями армянской общины Сирии*, февраль 2022, Дамаск], с другой – используют

¹³ В.В. Наумкин переводит его как “арабизм”, арабы, “арабство” [Наумкин, 2021, с. 46].

¹⁴ Про это говорили практически все респонденты, с которыми автор проводил интервью в Ереване, Дамаске и Алеппо [*Интервью автора с представителями армянской общины Сирии*, март 2019, Ереван; февраль 2022, Дамаск, Алеппо].

и некоторые другие понятия, отражающие особенности и форму их самоорганизации в Сирии, а также особенности их идентичности.

Согласно первой трактовке, сирийские армяне принадлежат трем религиозным общинам (та'ифа): ат-та'ифа аль-арманиййа аль-'урсудуксиййа (армянская апостольская община), ат-та'ифа аль-арманиййа аль-касуликиййа (армянская католическая община), ат-та'ифа аль-арманиййа аль-инджилиййа (армянская евангелическая община).

Что касается идентификации и самоидентификации сирийских армян согласно форме их самоорганизации в Сирии, то чаще всего, например, в армяноязычной среде используется слово «община», которое отражает наличие некой внутренней структуры. На армянском ему соответствует понятие «համայնք», полностью идентичное русскоязычной «общине» или арабским «муджтама'» или «джама'а».

Однако выбор арабского варианта для передачи смысла этого слова имеет важную особенность. Несмотря на то, что как слово «муджтама'», так и «джама'а»¹⁵ могут переводиться как «община», согласно представителям армянской общины Сирии, на арабском языке для ее обозначения можно использовать исключительно выражение «аль-муджтама' аль-армани» и никак не «аль-джама'а аль-арманиййа» (на русский язык оба словосочетания переводятся как «армянская община»). Это объясняется тем, что в отличие от последнего, первое не несет негативных коннотаций и не может допускать восприятия армянской общины как политической организации [*Интервью автора с представителями армянской общины Сирии*, февраль 2022, Дамаск].

Такой подход естественным образом вытекает из запрета согласно Конституции САР (статья 8) на «осуществление какой-либо политической деятельности или формирование партий или объединений / групп («таджамму'ат») на религиозной, конфессиональной («та'ифи»), племенной, региональной, классовой, профессиональной основе...» [*Дустур аль-Джумхуриййа аль-'арабиййа ас-Суриййа*, 2012].

И, наконец, проживающими в САР армянами очень часто используется понятие «сирийские армяне» («ас-суриййун аль-арман»), которое отражает особенности их идентичности. Посредством его передается некая «двойная» идентичность армян Сирии, считающих себя одновременно и армянами, и сирийцами. Рассматривая же это понятие в рамках более широкого контекста, отметим, что оно также служит и для идентификации армян Сирии в рамках системы армянской диаспоры, включающей армянские общины в разных странах мира.

ВЫВОДЫ

Определение особенностей использования терминологии для обозначения этноконфессиональных групп в САР официальными властями и сирийскими армянами как одной из этих этноконфессиональных групп позволяет сделать некоторые выводы относительно видения ими этноконфессиональной ситуации в Сирии.

Так, официальные сирийские власти, с одной стороны, абсолютно не допускают возможности применения понятия «меньшинство» для обозначения не доминирующих в численном отношении этноконфессиональных общностей в Сирии. Такая позиция во многом связана с обсуждавшимися в статье особенностями вкладываемых в это понятие смыслов и его восприятия, а также его частой политизацией.

С другой стороны, сирийское руководство признает на официальном уровне наличие в стране религиозных общин, обладающих определенным набором гражданско-религиозных прав. В то же время в вопросах идентичности этноконфессиональных групп оно исходит

¹⁵ Также имеет значения «объединение», «группа».

из представления, согласно которому существует сирийская идентичность, единая для всех этих групп.

Сирийские армяне в целом придерживаются официальной терминологии, но при этом используют понятия для самоидентификации, подчеркивающие форму их самоорганизации в Сирии, а также в некоторой степени их культурную самобытность.

Таким образом, существует такая ситуация, при которой, с одной стороны, официальными властями в САР всячески подчеркивается и продвигается идея некой единой общесирийской идентичности, формально нивелирующей этноконфессиональные различия, а с другой – на локальном уровне представители этноконфессиональных общин (в случае с сирийскими армянами, например, принимая этот подход) все же продолжают идентифицировать себя (а также представителей других общин) по этнокультурному и религиозному признакам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Беседа автора с К.М. Трубецевым. Июнь 2022 [Author's Interview with K. Trubetsev. June 2022 (in Russian)].

Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. 1992 [Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. 1992 (in Russian)] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (accessed: 03.02.2023).

Дустур аль-Джумхуриййа аль-‘арабиййа ас-Суриййа. 2012 [Constitution of the Syrian Arab Republic. 2012 (in Arabic)] <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Syria-Constitution-2012-Arabic-1.pdf> (accessed: 01.02.2023).

Европейская конвенция по правам человека. 1950 (изм. от 2010 г.) [European Convention on Human Rights. 1950 (as amended in 2010) (in Russian)] <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (accessed: 03.02.2023).

Интервью автора с представителями органов государственной власти в САР. 2022 [Author's Interview with Representatives of the Syrian Government. 2022 (in Russian)].

Интервью автора с представителями армянской общины Сирии. Февраль 2022, Дамаск, Алеппо [Author's Interview with Syrian Armenians in Damascus and Haleb. February 2022 (in Russian)].

Интервью автора с представителями армянской общины Сирии. Март 2019, Ереван [Author's interview with Syrian Armenians in Yerevan. March 2019 (in Russian)].

Ланда Р.Г. Социология современного Востока. М.: Восточный университет, 2008 [Landa R.G. Sociology of the Contemporary East. Moscow: Vostochny universitet, 2008 (in Russian)].

Международный пакт о гражданских и политических правах. 1966 [International Covenant on Civil and Political Rights. 1966 (in Russian)] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed: 03.02.2023).

Наумкин В.В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти. Polis. Политические исследования. 2021. № 6. С. 42–59 [Naumkin V.V. Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory. Polis. Political Studies. 2021. No. 6. Pp. 42–59 (in Russian)].

Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. 2010 [Minority Rights: International Standards and Guidance for Implementation. UN Human Rights High Commissioner (in Russian)] https://www.ohchr.org/documents/publications/minorityrights_ru.pdf (accessed: 04.02.2023).

Тишков В.А. Меньшинство этническое. Новая философская энциклопедия [Tishkov V.A. Ethnic Minority. New Philosophical Encyclopedia (in Russian)] <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH131b8ac7772dfe4b7f4613?p.s=TextQuery> (accessed: 02.02.2023).

Capotorti F. *Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities*. New York: United Nations, 1979.

Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. 1992. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-rights-persons-belonging-national-or-ethnic> (accessed: 03.02.2023).

Longva A.N. Domination, Self-empowerment, Accommodation. *Religious Minorities in the Middle East: Domination, Self-Empowerment, Accommodation*. A.N. Longva, A.S. Roald (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2012. Pp. 1–23.

Kymlicka W. The Internationalization of Minority Rights. *International Journal of Constitutional Law*. 2008. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–32.

Kymlicka W. Beyond the Indigenous/Minority Dichotomy? *Reflections on the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. S. Allen, A. Xanthaki (eds.). Oxford; Portland: Hart Publishing, 2011. Pp. 183–208.

Picard E. Nation-Building and Minority Rights in the Middle East. *Religious Minorities in the Middle East: Domination, Self-Empowerment, Accommodation*. A.N. Longva, A.S. Roald (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2012. Pp. 325–350.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТРОСЯН Аида Гагиковна – младший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Aida G. PETROSYAN, Junior Research Fellow, Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.